

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖВУЗОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ЯЗЫКОВЕДОВ

С 1 по 5 октября 1956 г. в Москве, в помещении Московского государственного университета, работало Межвузовское совещание языковедов, созванное Министерством высшего образования СССР и посвященное принципам построения лингвистических курсов в высших учебных заведениях СССР. На совещании присутствовало свыше 150 работников языковедческих кафедр университетов и педагогических институтов страны, а также зарубежные гости: болгарские языковеды — акад. В. Георгиев и проф. Й. Андрейчин и французский славист проф. А. Мазон.

Совещание открыл кратким вступительным словом представитель Оргкомитета проф. Т. П. Ломтев (МГУ). Т. П. Ломтев напомнил о том, что одной из важнейших задач, поставленных XX съездом КПСС перед советской высшей школой, является дальнейшее повышение уровня научно-исследовательской работы. Наше языкознание со времени лингвистической дискуссии 1950 г., развернувшейся на страницах «Правды», сделало несомненный шаг вперед. Но языковедческая работа имеет еще серьезные недостатки, объясняемые во многом последствием культа личности, нанесшего немалый вред советскому языкознанию. Недостатки в научно-исследовательской работе сказываются и на постановке преподавания лингвистических дисциплин в университетах и педагогических институтах. Все эти недостатки не могут быть изжиты без свободного обмена мнениями по спорным научным и методическим вопросам.

Внимание участников совещания были предложены доклады о задачах и содержании курсов общего языкознания, истории русского литературного языка, исторической грамматики русского языка, современного русского языка и сравнительной грамматики славянских языков.

Акад. В. В. Виноградов посвятил свой доклад задачам, стоящим перед языковедами, изучающими историю русского литературного языка и читающими соответствующие курсы в вузах. «Вопросы образования и развития литературных языков в настоящее время относятся во всем мире к числу актуальнейших проблем современного языкознания», — сказал докладчик. Между тем число спорных, слабо разработанных вопросов в науке о литературном языке и его истории довольно велико. Уже самый термин «литературный язык» наполняется у различных языковедов разным содержанием. В. В. Виноградов приводит в качестве примера определения понятия «литературный язык» в трудах А. И. Соболевского, Б. В. Томашевского, П. Я. Черных и других лингвистов. Часто не проводится границы между понятиями «литературный язык» и «письменный язык». Наблюдается также отождествление понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы». Упорядочение терминов, четкое определение понятий, с которыми имеют дело исследователи литературного языка, — одна из первоочередных задач языковедов.

Далее докладчик переходит к рассмотрению некоторых существенных вопросов истории русского литературного языка. Слабо исследован, в частности, вопрос о влиянии деловой письменности на литературный язык в разные периоды его истории. Это признается всеми, но самый процесс влияния изучается мало, так же как мало исследуется процесс изменения самого языка деловой письменности под влиянием языка художественной литературы. Немало предстоит работы и в области изучения воздействия языка народной словесности на литературный язык. «Язык народной поэзии является важным цементирующим элементом в системе русского национального языка. Именно в недрах устного народного творчества XIV—XV вв. закладывался фундамент будущего русского национального языка», — сказал докладчик. Переходя далее к вопросу о взаимодействии и исторических связях литературного языка и языка художественной литературы, В. В. Виноградов еще раз подчеркивает недопустимость отождествления понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы». Смешение этих понятий ведет к тому, что зачастую в курсах истории русского литературного языка слишком много места уделяется анализу языка писателей, по не указывается на связь языка художественной литературы того или иного периода с общими процессами и закономерностями истории русского языка.

Следующая важная задача — дать связную картину развития звукового строя, грамматики и лексики русского литературного языка. В тех же работах, которые мы имеем (труды Е. Ф. Будде, В. В. Виноградова, А. И. Ефимова и др.), больше всего внимания уделяется развитию лексики и не дается периодизации фонетических и грамматических изменений. «Ошибочно и односторонне мнение, — говорит акад. В. В. Виноградов, — будто специфика литературного языка заключается главным образом в его лексико-фразеологическом строе и в сложной системе стилей. Изучение развития типов литературного языка, стилей языка, стилей речи должно опираться на результаты разработки исторической фонетики, исторической грамматики и исторической лексики русского литературного языка».

Не может считаться достаточно разработанной и проблема исторических взаимодействий и соотношения народно-русской и старославянской стихий в русском литературном языке. Почти нет работ о норме литературного языка, об исторической изменчивости нормы, о разной степени обязательности нормы в разные периоды жизни общества и развития языка.

Наконец, совершенно необходимо выработать четкую периодизацию истории литературного языка, стараясь при этом избегать механического перенесения периодизации истории народа на периодизацию истории языка. Докладчик говорит: «При исследовании вопроса о периодизации истории русского языка целесообразно исходить сначала из периодизации развития отдельных частей структуры литературного языка: его произносительной нормы, его морфологического и синтаксического строя и лексико-фразеологического состава». Задачей будущих исследователей является объединение и синтез всех этих частных периодизаций.

Во второй день работы совещания с докладом «О некоторых проблемах советского языкознания в связи с преподаванием общезыковедческих дисциплин» выступил доц. В. А. З в е г и н ц е в (МГУ). Он сообщил о новых программах по общезыковедческим дисциплинам. Эти программы предусматривают три отдельных курса: «Введение в языкознание», «История языкознания» и «Общее языкознание». Наибольшие трудности, очевидно, представит чтение курса «История языкознания»; основная трудность заключается в крайне малом количестве необходимых пособий. Этот пробел отчасти восполняется вышедшими и выходящими в ближайшее время выпусками «Материалов к курсам языкознания» (изд. МГУ). Скоро выйдут из печати и другие пособия. Будут изданы и переизданы труды виднейших русских и зарубежных языковедов.

Новые программы не дают подробного раскрытия отдельных понятий или проблем, предоставляя, таким образом, свободу лектору в освещении спорных вопросов.

Вследствие культа личности дискуссия 1950 г. дала гораздо меньше результаты, чем можно было ожидать, так как схемы и догмы «нового учения о языке» зачастую просто заменялись другими схемами и догмами. Борьба с культом личности в науке о языке не заключается только в механическом изъятии цитат И. В. Сталина из наших работ. В течение ряда лет в определенном аспекте планировалась научная тематика, решались конкретные лингвистические проблемы. При этом создавались ненужные сложности, ставились искусственные ограничения.

В свете борьбы с культом личности необходимо выписать отношение методологических принципов советского языкознания к специальным методам научного исследования и к решению частных лингвистических проблем. С 1950 г. в качестве основного метода научного исследования в языкознании был принят сравнительно-исторический метод. Сделано это было потому, что в работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» этому методу было отдано предпочтение перед «четырёхэлементным анализом» Марра, так как сравнительно-исторический метод «толкает к изучению языков». Но к изучению языков толкают и другие методы, например, метод структурального анализа. Не исключая применения сравнительно-исторического метода, нельзя ограничиваться только им, так как он имеет ряд серьезных недостатков.

Надо пересмотреть наши критерии того, что в языкознании следует считать марксистским, а что немарксистским. В период господства культа личности это часто определялось административным путем, что нанесло немало вреда советскому языкознанию. В этом следует видеть причины того, что советская наука о языке — особенно в последние годы — не дала тех результатов, на которые мы вправе были рассчитывать при наличии большого количества квалифицированных и талантливых языковедов.

Характеризуя методологию как совокупность философских принципов, определяющих способ подхода к действительности и познания действительности, а метод — как совокупность рабочих приемов научного исследования, В. А. Звегинцев говорит, что метод занимает подчиненное по отношению к методологии положение. Один и тот же метод может быть использован в разных науках. Так, сравнительно-исторический метод был перенесен в языкознание из других наук. Структуральный метод исследования тоже свойствен ряду наук. Универсализация того или иного частного метода ведет к застою в науке. Так было у младограмматиков, которые не мыслили себе иных задач, кроме тех, которые возможно решить при помощи сравнительно-исторического метода. В научных исследованиях нельзя ограничиваться применением какого-либо

одного метода. Сравнительно-историческое языкознание не исключает применения структурального метода, что видно хотя бы из работ молодого Соссюра.

По мнению В. А. Звегинцева, общие проблемы должны быть решены в советском языкознании однозначно, частные же проблемы в ряде случаев допускают различные решения, не противоречащие, однако, общим методологическим основам марксистского языкознания.

Докладчик излагает свою точку зрения на работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Догматизация положений Сталина, содержащихся в этой работе, явилась препятствием на пути развития советской науки о языке. Правда, эта работа сыграла в свое время положительную роль, нанеся решающий удар господству в языкознании «нового учения о языке». Но, во-первых, верные положения, высказанные Сталиным, не принадлежат собственно ему и давно являются достоянием языкознания (например определение языка, определение грамматики). А во-вторых, в работе Сталина есть и неверные положения, неточные формулировки. Так, приводя верную марксистскую формулу о единстве языка и мышления, Сталин делает, по мнению докладчика, ошибку, говоря о том, что «оголенных», свободных от языковой материи мыслей не существует. Психология учит, что помимо мышления понятиями, которое действительно всегда является словесным, существуют образное и техническое мышления, которые могут и не облекаться в языковую форму.

Проф. Е. М. Галкина-Федорук (МГУ) сделала доклад «Задачи и содержание курса современного русского литературного языка в системе лингвистического образования».

«Задачи курса „Современный русский литературный язык“, — говорит Е. М. Галкина-Федорук, — вытекают из современных задач филологических факультетов, призванных на данном этапе подготовить высококвалифицированных учителей средней школы». Преподаватель вуза, читая лекцию или руководя практическими занятиями, должен помнить, что он готовит учителей русского языка. Это и должно определять принципы и содержание курса современного русского языка. Отсюда следует прежде всего, что при чтении курса нельзя слишком много внимания уделять спорным положениям, подробной истории разработки каждого частного вопроса и т. п. Не следует воспитывать студентов (особенно младших курсов) в духе преждевременного критицизма и негативизма. Все спорные вопросы, неустановившиеся точки зрения можно излагать в шпечурках. Но в своей научно-исследовательской работе языковеды должны разрешить, наконец, спорные вопросы, которых немало в науке о русском литературном языке. Совершенно необходимо, например, прийти к единому мнению в вопросе о принципах выделения частей речи в русском языке. Тогда значительно уменьшится количество частных спорных вопросов: о залогах глагола, о сущности категории вида и т. д. Очень много нерешенных вопросов и в области синтаксиса.

Говоря далее о программах языковедческих курсов, докладчик высказывает мнение, что вред дублирования одних и тех же вопросов в разных курсах не следует преувеличивать: если во «Введении в языкознание» дается общая лингвистическая трактовка того или иного понятия, то, например, в курсе «Современный русский язык» то же понятие раскрывается в применении к конкретным фактам русского языка.

В конце доклада Е. М. Галкина-Федорук говорит о задачах практических занятий по курсу современного русского языка. Эти задачи таковы: 1) закрепление знаний, полученных на лекциях; 2) изучение разделов, мало освещенных в лекциях; 3) установление связи школьной и научной грамматики; 4) ознакомление студентов с разными точками зрения на отдельные вопросы. Только благодаря умелому сочетанию всех форм преподавания (лекций, практических занятий, спецкурсов, просеминариев) можно воспитать будущего учителя русского языка.

Следующий докладчик, проф. Т. П. Ломтев (МГУ), темой своего доклада сделал предмет, задачи и содержание курса сравнительной грамматики восточнославянских языков. Этот курс необходим в системе образования учителя-словесника. Изучение сравнительной грамматики восточнославянских языков было традицией старой русской университетской науки. Поэтому этот курс включается теперь в программы филологических факультетов университетов. В читаемых в настоящее время курсах мало внимания уделяется специфике развития русского языка в отличие от развития близко родственных украинского и белорусского языков. В курсе старославянского языка изучаются обычно и элементы общеславянского языка. Это неправомерно: нельзя изучать общеславянский язык только попутно, при изучении одного из конкретных славянских языков. Необходимо выделить изучение общеславянского языка — основы в самостоятельный курс или раздел курса. Курс сравнительной грамматики восточнославянских языков имеет свои задачи и свой предмет: в нем следует заниматься реконструкцией общерусского языка — основы от момента его вычленения из общеславянского языка, его историей до расчленения на отдельные языки, изучением своеобразия развития русского, украинского, белорусского языков. Такой курс предоставляет более широкие возможности для так называемой внешней реконструкции языковых фактов русского языка. Нельзя, однако, сводить изучение сравнительной грамматики восточнославянских языков к сумме сведений об истории отдельных языков. Этот курс

должен обобщать параллельные процессы, протекавшие в отдельных языках, и исследовать только общее направление развития, в то время как в курсах истории отдельных восточнославянских языков все языковые процессы рассматриваются в их конкретно-исторической полноте.

С докладом «О построении курса исторической грамматики русского языка» выступил проф. П. С. Кузнецов (ИЯ АН СССР и МГУ). Докладчик говорит, что целью курса является показ развития живого русского языка, начиная с древнейших дошедших до нас памятников. Название «Историческая грамматика» не вполне точно, так как в этом курсе изучаются также фонетика и лексика. Следовало бы восстановить старое название этого курса: «История русского языка». Когда мы говорим об основных разделах курса и порядке изложения материала, следует помнить, что изменения в разных частях системы языка происходят не одновременно. Поэтому построение курса предусматривает знание истории языка не по историческим периодам, а в порядке систематического изучения отдельных сторон языка (фонетика, морфология, синтаксис). Перед чтением основных разделов курса следует дать небольшую вводную часть, в которой надо рассказать об основных перспективах развития языка. Центральными разделами курса следует признать фонетику и морфологию.

Надо приучать студентов самостоятельно мыслить; поэтому нельзя на лекциях просто перечислить отдельные явления — необходимо их объяснять, показывая при этом системный характер языка, связь отдельных его сторон. Так, при изучении чередований можно показать связь фонетики и морфологии, при изложении вопроса о становлении категории одушевленности в русском языке необходимо подчеркнуть связь морфологии и синтаксиса и т. д. При изложении спорных вопросов надо обязательно давать свою точку зрения.

Далее докладчик останавливается на связи истории языка с историей народа. Эта связь несомненна, но надо четко представлять себе, в чем она проявляется. Ее можно заметить при изучении вопроса о распространении того или иного языкового явления на отдельные диалекты. Но возникновение отдельных явлений в языке, как правило, не связано с историей народа, если не считать фактов заимствования (так, существует точка зрения, к которой присоединяется и докладчик, что «доканье» в русских говорах является чертой, заимствованной из угро-финских языков).

В конце доклада П. С. Кузнецов подверг критике некоторые положения работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: общепризнана теперь ошибочность положения, что в основу русского национального языка лег курско-орловский диалект. Есть ошибки и неточности и в высказываниях И. В. Сталина о соотношении общенародного языка и диалектов, в вопросе об обязательности для всех этапов развития общества существования общенародного языка. Докладчик считает, что древние племена восточных славян имели сходные языки, но общенародного языка не было. В связи с этим вряд ли правомерна теория так называемого «киевского койне».

Кроме заслушанных докладов, участники совещания ознакомились с тезисами доклада проф. С. Б. Бернштейна (ИС АН СССР и МГУ) «Принципы построения курса сравнительной грамматики славянских языков».

В течение следующих двух дней работы совещания по заслушанным докладам в прениях выступило более 40 человек. Характерно, что совещание, созванное для обсуждения лингвистами вопросов, связанных с принципами построения языковедческих курсов в вузах, вылилось в широкую дискуссию как по вопросам методического характера, так и по многим вопросам теории языкознания. Следует прежде всего отметить, что многие выступавшие в прениях участники совещания говорили о необходимости решительной борьбы с последствиями культа личности в языкознании.

Х. Х. Махмудов (Казахский университет) в своем выступлении говорил о том, какой огромный вред науке о языке наносит цитатничество, и подверг критике отдельные положения работ Сталина по вопросам языкознания.

О насущной необходимости свободного обмена мнениями и решительной борьбы с преклонением перед догмой говорил Р. А. Будагов (ИЯ АН СССР и МГУ). Начетническое отношение к работам Сталина сковывало нашу научную мысль. Только потому, что И. В. Сталин упоминает «молдавский язык», возникла проблема самостоятельного молдавского языка, хотя большинство лингвистов до тех пор считало, что румыны и молдаване говорят на одном языке. Или другой факт: только на том основании, что Сталин неодобрительно отозвался об обвинении Марром своих противников в «формализме», у нас вообще перестали бороться с формализмом в языкознании. Культ личности повлек за собой огульное охаивание прежних сторонников «нового учения о языке». Между тем, например, в книге И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» много ценного, несмотря на то, что в принципе ее автор разделял учение Марра. Р. А. Будагов говорит далее о том, что нельзя объявлять одну точку зрения по частному вопросу марксистской, другую — немарксистской. Необходимо бороться за методологическое единство советского языкознания. Но не следует вопроса единства методологии связывать с сугубо конкретными вопросами. Нельзя все недостатки нашего языкознания объяснять влиянием марксизма или культа И. В. Сталина. Надо признать, что советские языковеды часто работали просто недостаточно смело и инициативно.

А. К. В л а с о в (Бельцкий пединститут) отметил, что работы Сталина по вопросам языкознания критикуются у нас неумело. Между тем, по мнению А. К. Власова, чтобы критиковать отдельные положения работы И. В. Сталина, надо подвергнуть внимательному критическому анализу его основные тезисы.

А. С. Ч и к о б а в а (Тбилисский университет) также значительную часть своего выступления посвятил вопросу о культуре личности в языкознании. Отметив, что работы Сталина по вопросам языкознания понимались догматически и что следствием этого явилась подмена изучения фактов языка изучением и комментированием цитат, А. С. Чикобава сказал далее о том, что в 1950 г. выступление Сталина на страницах «Правды» сыграло положительную роль. Конечно, многие положения работы «Марксизм и вопросы языкознания» не новы и не принадлежат собственно Сталину, но в то время их необходимо было еще раз провозгласить, так как марристы упали азбучные истины языкознания.

Вопрос о методологии и методах советского языкознания, поднятый В. А. Звегинцевым в его докладе, также стал предметом горячего обсуждения на совещании.

Б. П. А р д е н т о в (Кипиневский университет) говорил о том, что в центре внимания советских языковедов должно быть решение важнейших общелингвистических проблем. Разработкой методологических, философских принципов языкознания должны заниматься именно лингвисты, а не философы. Между тем у нас до сих пор нет стройной теории марксистского языкознания, а поэтому мы не умеем по-настоящему критически осваивать наследство прошлого. Б. П. Ардентов критиковал доклад В. А. Звегинцева в той части, где автор говорил о соотношении мышления и языка. Деление мышления на художественное, техническое и понятийное — чисто условное деление. Понятия присущи любому виду мышления, а стало быть, мышления без языка нет.

А. А. Б е л е ц к и й (Киевский университет) высказал мнение о невозможности противопоставления сравнительно-исторического метода методу структурально-функционального анализа. Одно и то же языковое явление можно исследовать разными методами, в зависимости от цели исследования. Применение только одного метода, например сравнительно-исторического, может не дать желательных результатов. Любой метод целесообразно применять только в сочетании с другими методами.

Проблеме метода языковедческого исследования было в значительной своей части посвящено и выступление А. А. Р е ф о р м а т с к о г о (ИЯ АН СССР и МГУ). А. А. Реформатский сказал о том, что сравнительно-исторический метод и структурализм — явления не одного и того же класса. Дело в том, что сравнительно-исторический метод — не зная определенной эпохи: он успешно применялся и применяется с конца XVIII в. до наших дней. Структурализм же — зная определенной эпохи, эпохи XX в. А. А. Реформатский приводит факты в подтверждение того, что структурализм оправдал себя не только в чисто языковедческих исследованиях, но и во взаимодействии разных наук. Улучшение, совершенствование сравнительно-исторического метода должно вестись путем обогащения его структурным пониманием языка. А. А. Реформатский критикует также отдельные положения трудов Сталина по языкознанию, говоря, в частности, о том, что проблема скрещивания языков освещена у Сталина неполно, односторонне. Сталин приводит только тот случай, при котором один из языков выходит победителем, поглощая другой, а от побежденного остается субстрат. Но история знает случаи, когда при взаимодействии языков ни один не выходит победителем (например, при взаимодействии русского языка с татарским).

В. Н. Я р ц е в а (ИЯ АН СССР и МГУ) говорила о том, что сравнительно-исторический метод наиболее объемён из всех методов, которые мы знаем. Следует только всегда помнить, что этот метод не универсален и что мы должны уметь сами применять в своих работах другие методы и учить этому студентов.

Акад. В. Г е о р г и е в (Народная Республика Болгария), тепло встреченный присутствующими, приветствовал участников совещания от имени болгарских языковедов. Он также посвятил свое выступление вопросу о методах в языкознании. Сравнительно-исторический метод принимается марксистской наукой потому, что он дает возможность изучать язык в его развитии. Структурный анализ был первоначально применен для изучения звукового строя языка. Так появилась фонология. Впоследствии метод, оправдавший себя в фонетике, был распространен и на другие стороны языка. Это и называли структурализмом. «Структурализм — это дальнейшее развитие изучения языка как системы. Его вклад в науку несомненен», — сказал акад. В. Георгиев. Другое дело, что структуралисты называют себя многие зарубежные ученые, концепции которых идеалистичны и антиисторичны. Подобного «структурализма» марксистское языкознание принять не может.

В. И. Л ы т к и н а (ИЯ АН СССР и Рязанский пединститут), выступая по частному вопросу (о программах и учебниках по курсу «Введение в языкознание») и положительно отзывавшись о книге А. А. Реформатского «Введение в языкознание», сказал, что для этого пособия было бы, однако, лучше, если бы его автор не отдал в нем дань структурализму. По мнению В. И. Лыткиной, А. А. Реформатский неправильно признает наличие в русском языке лишь пяти, а не шести гласных фонем.

Почти все участники совещания, принимавшие участие в обсуждении докладов,

в той или иной мере касались вопросов преподавания языковедческих дисциплин в вузах.

Некоторые языковеды (А. А. Б е л е ц к и й — Киевский университет, А. В. М и р т о в — Горьковский университет и другие) поддержали высказанное в докладе В. А. Звегинцева положение о том, что программа должна давать только перечисление основных понятий, содержание которых следует раскрыть на лекциях и практических занятиях. Программа не должна стеснять научного мышления преподавателя, наоборот: она предусматривает свободную трактовку тех или иных вопросов лектором.

С возражением против такой точки зрения на программу выступил А. И. Р о ж а н с к и й (МГУИИЯ), по мнению которого программа должна не только перечислять основные понятия языкознания, но и раскрывать эти понятия и проблемы с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Совершенно необходимо, чтобы программа указывала на диалектическое решение таких вопросов, как отношение языка и мышления, слова и понятия, литературного языка и диалектов и т. д.

Г. Г. М е л ь н и ч е н к о (Ярославский пединститут) отметил, что слишком большой «свободы преподавания» допустить нельзя. Надо помнить, что вузы готовят будущих преподавателей средней школы, а это обязывает нас дать студентам определенный круг знаний и навыков.

Во многих выступлениях был высказано пожелание, чтобы курс «Введение в языкознание» читался в 1-м семестре, до знакомства студентов с остальными лингвистическими дисциплинами, так как только в этом случае он будет действительно введением в изучение языка.

С критикой программы по курсу «Введение в языкознание» выступил А. Ф. Ф и н к е л ь (Харьковский университет), отметивший, что в этой программе нет указания на соотношение между лекциями и практическими занятиями, нет четкого противопоставления научного и практического изучения языка.

Выступавшие подчеркивали необходимость перестройки преподавания всех лингвистических дисциплин в вузах в свете профессиональной подготовки учителя русского языка. Причины того, что выпускники вузов часто оказываются беспомощными учителями, кроются прежде всего в том, что средняя школа дает сплошную языковедческую подготовку учащимся. Поэтому в вузе приходится заниматься многим, что могла бы дать будущему студенту средняя школа, а это отнимает у преподавателя вуза лишнее время. Такое мнение было высказано Е. К. Б а х м у т о в о й (Казанский университет), А. В. М и р т о в ы м (Горьковский университет) и другими. В связи с этим с трибуны совещания неоднократно звучало требование восстановить в старших классах средней школы преподавание русского языка.

Участники совещания внесли ряд конкретных предложений, направленных на улучшение профессиональной подготовки студентов. Г. В. Д е н и с е в и ч (Курский пединститут) рекомендовал избавить студента от лишней нагрузки с тем, чтобы он мог посещать уроки мастеров педагогического труда. Необходимо также больше выпускать научных работ по методике русского языка.

Единодушным было мнение участников совещания о необходимости введения в вузах специальных занятий по изучению студентами школьной программы и школьного учебника русского языка. Выступавшие отмечали давно назревшую необходимость переиздания трудов русских и зарубежных лингвистов.

А. И. Е ф и м о в (МГУ) в своем выступлении обратил внимание на ненормальное положение с учебными планами. Эти планы, существующие почти без изменения с 30-х гг., предусматривают неправомерно большое количество часов на общественно-политические дисциплины в ущерб филологическим предметам. Это тоже отрицательно сказывается на профессиональной подготовке студентов.

Н. С. П о с п е л о в (ИЯ АН СССР и МГУ) выступил с предложением значительно увеличить количество часов на практические занятия по современному русскому языку.

А. И. Б е л о в (Орехово-Зуевский пединститут) высказал мнение, что подготовка учителей широкого профиля определенно снизит качество филологической работы в институтах.

Несколько выступлений было посвящено проблемам курса истории русского литературного языка.

Н. С. А н т о ш и н (Ужгородский университет) критиковал принятое в настоящее время содержание этого курса. По мнению Н. С. Антошина, нельзя говорить о наличии литературного языка в древней Руси, так как тогда не было мастеров обработки языка. Литературный язык возникает в XVIII в. Поэтому Н. С. Антошин предлагает по отношению к древнерусскому периоду говорить только об исторической грамматике, курс же собственно литературного языка начинать с эпохи Петра.

С этой точкой зрения не согласился Н. А. М е щ е р с к и й (Карельский пединститут). Он сказал, что в древней Руси, конечно, были мастера литературного языка. Надо лучше изучать памятники, тогда мы поймем, что древней Руси была свойственна высокая культура письменной речи.

В прениях выступили также В. П. Б е с е д и н а - Н е в з о р о в а (Харьковский университет), П. А. В о в ч о к (Уральский университет), Г. Д. П е т р о в (Баракалинский пединститут) и многие другие.

В последний день работы совещания (5/X) после заключительных слов докладчиков выступил представитель Министерства высшего образования СССР А. Ф. Ш е б а н о в. Он сообщил о намерении Министерства созывать такие совещания и в дальнейшем не только в Москве, но и в других городах. Далее А. Ф. Шебанов остановился на постановлениях ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Министерства высшего образования, направленных на улучшение научно-исследовательской и педагогической работы в вузах. Министерство продолжает работать над мероприятиями, которые должны способствовать повышению качества преподавания в вузах, лучшему воспитанию научных кадров и совершенствованию системы управления вузами. Итогом этой работы должно явиться новое «Положение о высших учебных заведениях СССР».

Межвузовское совещание языковедов приняло развернутое решение по всем затронутым вопросам и призвало в нем всех научных работников решительно бороться с вредными последствиями культа личности в науке о языке. Решено систематически практиковать созовы совещаний языковедов по отдельным проблемам, причем тезисы предлагаемых докладов должны заранее рассылаться по вузам. Совещание постановило в целях подготовки к международному съезду славистов провести в 1957 г. специальное совещание по проблемам реконструкции общеславянского языка и другим существенным вопросам славистики. В том же 1957 г. решено провести совещание по проблемам синтаксиса русского языка. Решено также организовать при филологическом факультете МГУ журнал по славянской филологии. Вынесено решение о переиздании работ виднейших русских языковедов и о переводе и издании трудов крупнейших зарубежных лингвистов. Резолюция отмечает необходимость скорейшей подготовки учебных пособий и издания важнейших памятников древнерусской словесности.

Совещание высказалось за восстановление преподавания русского языка в старших классах средней школы и просило Министерство высшего образования разрешить вузам республик пересматривать учебные программы сообразно с местными условиями.

А. В. Калинин

КООРДИНАЦИОННЫЕ СОВЕЩАНИЯ В АЛМА-АТЕ, БАКУ И ТБИЛИСИ

1

24—27 сентября 1956 г. в г. Алма-Ата состоялось координационное совещание по грамматике тюркских языков, организованное Институтом языковедения АН СССР и Институтом языка и литературы АН Казахской ССР. Совещание было посвящено обсуждению двух наиболее спорных и вместе с тем актуальных вопросов грамматики тюркских языков — вопросов глагольного вида и сложноподчиненного предложения. В работе совещания приняли участие представители большинства братских союзных республик — специалисты не только по тюркским, но и монгольским, тунгусо-маньчжурским, а также кавказским языкам. Совещание носило характер свободной дискуссии; в докладах по обоим обсуждавшимся проблемам были представлены диаметрально противоположные точки зрения.

Проблема глагольного вида в языках народов Советского Союза вообще и в тюркских языках, в частности, впервые была предметом широкого обсуждения. После вступительного слова вице-президента АН Казах. ССР С. В. Башева выступил Б. А. С е р е б р е н и к о в с докладом «Проблема глагольного вида в тюркских языках». Он указал, что основной недостаток всех ныне существующих теорий глагольного вида в тюркских языках заключается в нечетком понимании условий существования в языке грамматической категории. Докладчик наметил условия существования вида как грамматической категории, которые в основном сводятся к следующему: 1) грамматическое оформление вида должно иметь тотальное распространение, т. е. проявляться во всех тех случаях, где имеются условия для формирования вида; 2) глаголы, регулярно получающие оформление вида, должны входить в коррелятивные пары с глаголами другого вида; 3) вид должен быть такой структурно-оформленной категорией, которая выражала бы видовые различия независимо от момента речи. Всем вышеназванным условиям, по мнению Б. А. Серебренникова, отвечает категория глагольного вида в русском языке. Существующие же в тюркских языках синтетические и аналитические образования, как показал Б. А. Серебренников, не являются регулярными выразителями глагольного вида. Сочетания деепричастий на *-ип* с вспомогательными глаголами могут